

Ф. Успенский

**Академик Василий
Григорьевич Васильевский**

**Обзор главнейших трудов его по
изучению Византии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф. Успенский
Ф11 Академик Василий Григорьевич Васильевский: Обзор главнейших трудов его по изучению Византии / Ф. Успенский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 52 с.

ISBN 978-5-458-53268-6

Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие.
Часть 325

ISBN 978-5-458-53268-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

старыхъ и значительно разработанныхъ. Здѣсь находимъ въ высшей степени счастливое соединеніе научныхъ интересовъ византійской и общеевропейской исторіи, которое получаетъ особую привлекательность тѣмъ, что вскрываетъ тѣсную связь между вопросами чисто византійскими и проблемами общей, а также специально русской исторіи. Мы не можемъ при этомъ не подчеркнуть того обстоятельства, что главнѣйшимъ образомъ производительность Васильевского характеризуется поисками за точками соприкосновенія между византійской и русской исторіей и что наиболѣе извѣстные и отличающіеся наибольшимъ мастерствомъ труды его дѣйствительно посвящены этимъ темамъ, которыя, можно надѣяться, не вполне еще имъ исчерпаны.

Кардинальный вопросъ, рѣшаемый занимающимъ насъ изслѣдованіемъ, сосредоточивается на выясненіи мотивовъ перваго крестоваго похода или ближайшихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ походъ. Рѣчь идетъ, однако, не о клермонской рѣчи, а объ южно-русскихъ событіяхъ во второй половинѣ XI вѣка. Исходнымъ пунктомъ служить давно уже отмѣченный фактъ, различно объясняемый историками крестовыхъ походовъ. Крестоносцы перваго похода, по прибытіи въ Константинополь, сверхъ всякаго ожиданія, нашли у императора Алексѣя I Комнина холодный приемъ, нежеланіе воспользоваться ихъ услугами и кромѣ того оскорблены были такими требованіями и претензіями, которыя дѣйствительно не могли не быть для нихъ обидными. Слѣдствіемъ этого была столь вредная для общехристіанскаго дѣла неудача, которою пользуются мусульмане во вредъ какъ грекамъ, такъ и западнымъ христіанамъ. Нужно ли приписать постигшія крестовый походъ неудачи ошибкамъ грековъ, или же напротивъ можно оправдать грековъ и искать объясненія неудачъ въ другихъ обстоятельствахъ? Васильевскій сдѣлалъ попытку анализировать глубже, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, взаимныя отношенія грековъ и крестоносцевъ и пришелъ къ выводу, что въ 1097 году Византія не нуждалась ни въ чьей помощи, а что находилась на краю гибели и весьма нуждалась въ посторонней помощи нѣсколько разъ, въ 1089—1090 году. Наиболѣе интересными и привлекательными съ точки зрѣнія русской исторіи являются тѣ мѣста, гдѣ рисуются отношенія грековъ къ печенѣгамъ и половцамъ съ одной стороны и туркамъ-сельджукамъ съ другой, и гдѣ впервые со всей наглядностью развивается мысль, что вслѣдствіе согласованнаго движенія печенѣговъ и турокъ имперія дѣйствительно переживала отчаянныя минуты въ

1090 году. Рисуя положеніе, въ которомъ находилась Византія въ это время, Васильевскій констатируетъ факты изумительные: одновременное движеніе половцевъ и печенѣговъ со стороны европейской и турокъ-сельджуковъ со стороны азиатской, отчаянное положеніе Алексѣя Комнина, дающаго невѣроятныя обѣщанія тому, кто подастъ ему помощь, сношенія съ русскими князьями и союзъ съ половцами. „Византійская имперія тонула въ турецкомъ нападеніи: утопающій не разбираетъ средствъ для своего спасенія. Нечестивый, безбожный, шелудивый Бонякъ и его не менѣе достойный товарищъ Тугорканъ были союзниками отчаянія; они должны были въ самомъ благопріятномъ случаѣ только помочь императору Алексѣю пережить критическую минуту, пока не придутъ болѣе надежныя, болѣе цивилизованныя и человѣчныя союзники. Этими союзниками были люди латинскаго запада; у нихъ просилъ себѣ помощи императоръ Алексѣй, туда были отправлены грамоты, призывавшія со всѣхъ сторонъ наемное войско: фактъ, до сихъ поръ отвергаемый патріотизмомъ греческимъ, но тѣмъ не менѣе не подверженный на малѣйшему сомнѣнію“.

Самымъ эффектнымъ результатомъ изученія источниковъ I крестоваго похода было пріуроченіе извѣстнаго письма Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому именно къ событіямъ 1090—1091 года. Сборы западныхъ крестоносцевъ въ походъ нѣсколько замедлились, между тѣмъ въ это время обстоятельства на Востокѣ измѣнились до такой степени, что въ 1097 г. императоръ Алексѣй Комнинъ не имѣлъ уже нужды въ иноземной помощи и собственными силами могъ справиться со всѣми врагами имперіи. Но мы воспользуемся здѣсь словами нашего автора: „первый крестовый походъ имѣлъ бы, несомнѣнно, совершенно другое направленіе и совершенно другой исходъ, если бы Бозмунды и Готфриды явились какъ спасители греческой столицы, если бы обдуманному и смѣлому честолюбію одного и упрямой благочестивой гордости другаго не было противопоставлено ни самостоятельной византійской политики, ни самостоятельной греческой арміи... Велико было разочарованіе и сильно было неудовольствіе западнаго рыцарства и особенно его предводителей, когда они увидѣли, что печенѣги и турки, отъ которыхъ они должны были спасать Восточную имперію, находятся теперь въ рядахъ византійской арміи, и что императоръ Алексѣй самымъ постыднымъ и вѣроломнымъ образомъ пользуется службой невѣрныхъ язычниковъ, высылая ихъ противъ христіанъ, воиновъ креста и гроба Христова. Но если бы

грозная сила печевѣгской орды не была уничтожена половецкими пождками и остатки ея не были превращены въ покорное орудіе византійской политики, то Константинополь въ концѣ XI столѣтія былъ бы либо турецкимъ городомъ, либо столицей Латинской имперіи на Востокѣ*. Съ цѣлью ознакомить съ психологіей византійскаго общества авторъ даетъ обширныя выписки изъ государственныхъ актовъ, изъ соборныхъ постановленій, изъ переписки между Константинополемъ и папскою куріей и наконецъ изъ литературныхъ произведеній, трактующихъ о вопросахъ, занимавшихъ тогдашнее образованное общество.

Можно сказать, что Васильевскій не только поднялъ интересный и капиталный въ общей исторіи вопросъ, но и обстоятельно рѣшилъ его съ помощью привлеченія новыхъ матеріаловъ, которые до него оставались въ тѣни и не были поставлены въ надлежащее освѣщеніе. Уже и здѣсь эффектно выдѣляется оригинальная сторона таланта Васильевского прокладывать новые пути въ изученіе избранныхъ вопросовъ и вычитывать въ давно извѣстныхъ текстахъ то, чего другіе въ нихъ не подмѣчали. Только недостаткомъ критики и отсутствіемъ специальной школы можно объяснить то обстоятельство, что блестящее изслѣдованіе Васильевского не было подвергнуто въ нашей литературѣ дальнѣйшимъ выводамъ и не получило закрѣпленія въ наукѣ, какъ важный историческій фактъ. Но русское изслѣдованіе было въ свое время замѣчено въ специальной западно-европейской литературѣ. Графъ Ріанъ, извѣстный знатокъ средневѣковой литературы, въ особенности крестовыхъ походовъ, подвергъ критикѣ вопросъ о подлинности памятника, на которомъ основывается аргументація Васильевского. Сейчасъ же за появленіемъ изслѣдованія графа Ріана (*Riant, Alexii Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria. Genevae 1879*) Васильевскій напечаталъ статью: „Письмо Алексія Комнина къ графу Роберту Фландрскому“, гдѣ снова возвращается къ вопросу, предметомъ коего было изслѣдованіе „Византія и печенѣги“, и приводитъ новыя доказательства въ пользу подлинности письма. Къ рѣшенію въ высшей степени тонкаго спора нашъ ученый приводитъ свидѣтельства средневѣковыхъ писателей, на которыя Ріаномъ не было обращено вниманія (извѣстія Эккегарда и Метохита), и съ успѣхомъ удерживаетъ за собой послѣднее слово въ этомъ научномъ вопросѣ. Важныя дополненія къ событіямъ перваго крестоваго похода—хотя уже болѣе со стороны деталей—находимъ еще въ изданіи, помѣ-

щенномъ Васильевскимъ въ *Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ* (т. VI, вып. 2, Спб. 1886 г.), житія Мелетія Новаго. До извѣстной степени житіе Мелетія имѣетъ такое же значеніе для XI вѣка, какъ житія Луки и Никона Метаоните для X-го. Весьма цѣнны находимыя въ житіи данныя о западныхъ крестоносцахъ, прибывшихъ бурей къ Пирею, аѳинской гавани; драгоцѣнны замѣтки о византійскихъ администраторахъ Элады. Маленькая замѣтка о Львѣ Никеринѣ, который у западныхъ писателей является подъ именемъ *Bulgaogum princeps Nichte*, разрѣшаетъ важное историческое недоразумѣніе.

Весьма близко къ произведенію, которымъ мы занимались до сихъ поръ, стоятъ двѣ статьи, напечатанныя въ *Славянскомъ Сборникѣ* и имѣющія заглавіе: „Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ“. Въ статьяхъ „Византія и печенѣги“ авторъ даетъ новую постановку для нѣкоторыхъ фактовъ, относящихся къ первому крестовому походу; статьями „Изъ исторіи Византіи“ достигается такая же задача по отношенію ко второму походу. Общее историческое значеніе второго изслѣдованія заключается въ разработкѣ вопроса о *союзъ двухъ имперій*—восточной и западной—направленномъ противъ папы и сицилійскихъ норманновъ. Какъ извѣстно, неудачи, постигшія участниковъ второго крестоваго похода, объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ разъ во время движенія западныхъ крестоносцевъ на востокъ, Рожеръ II сицилійскій сдѣлалъ открытое нападеніе на Византію и побудилъ византійское правительство искать заключенія противъ-христіанскаго союза съ турками-сельджуками. Послѣ этого понятны недовѣріе и подозрительность императора Мануила и византійцевъ къ крестоносцамъ второго крестоваго похода. Никто другой, какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ государей западныхъ, былъ главнымъ виновникомъ печальнаго похода и напрасныхъ бѣдствій второго крестоваго похода. Охарактеризовавъ взаимное положеніе политическихъ партій въ Европѣ и Азіи въ 1148 году, авторъ переходитъ къ выясненію новыхъ обстоятельствъ дѣла, на основаніи изученія современныхъ славяно-русскихъ отношеній. „Въ то время какъ западъ двигался на востокъ, а европейскій востокъ на западъ, не могъ остаться спокойнымъ и сѣверъ, изобиловавшій тогда враждебными христіанству и гражданственности дикими силами, уже не разъ рѣзко вторгавшимися въ отношенія греко-славянскаго и римско-германскаго міра“. Не будемъ входить вслѣдъ за Васильевскимъ въ подробное изложеніе событій на сѣверѣ. Это, во-первыхъ, былъ переходъ за Дунай половецкой орды, которая подвергла византійскія области страшнымъ опустоше-

ніямъ и заставила императора Мануила лично предпринять походъ на Дунай, чтобы обуздать дерзкихъ хищниковъ. Во-вторыхъ, это былъ союзъ норманскаго короля съ Гейзой II венгерскимъ, противъ котораго императоръ Мануиль поддерживалъ въ самой Венгріи другаго претендента, знаменитаго своими скитаніями по свѣту и романическими походами, сына Коломана и Евфиміи Владиміровны, дочери кіевскаго князя Владиміра Мономаха, Бориса Коломановича. Въ-третьихъ, это была борьба за кіевскій столъ между Изяславомъ и Юріемъ Долгорукимъ, въ которой венгерскій король поддерживалъ Изяслава, а константинопольскій императоръ—Юрія и его союзниковъ. Наконецъ, въ-четвертыхъ, это была борьба за привлеченіе Сербіи въ нѣмецко-византійскій союзъ, борьба, потребовавшая личнаго похода императора противъ Уроша, брата Стефана Немани.—Таковы узоры, вышиваемые Васильевскимъ по основной канвѣ—союзъ двухъ имперій. Правда, эти узоры слишкомъ оттъняли собою основу, такъ что она не выдѣляется рѣзко на фонѣ и требуетъ иногда пристального вниманія. чтобы прослѣдить ее по всей ткани, но авторъ успѣлъ внести совершенно новыя данныя въ изложеніе событій II крестоваго похода и вскрылъ весьма интересные факты—связь исторіи русскаго сѣвера и угро-славянскаго юга съ событіями всемірной исторіи.

Къ темѣ, предметомъ которой была статья „Изъ исторіи Византіи“. Васильевскій обратился еще въ 1894 году, напечатавъ въ I т. *Византійскаю Временника* обширное изслѣдованіе по поводу надгробнаго слова архіепископа Солунскаго Василія на смерть Ирины, первой супруги Мануила Комнина. Императрица Ирина была именно залогомъ дружественныхъ отношеній между двумя имперіями въ эпоху II крестоваго похода. Она была свояченицей Конрада III и сосватана за царя Мануила съ цѣлью укрѣпленія политическаго союза восточной и западной имперій, изъ коихъ каждая нуждалась въ такомъ союзѣ противъ преобладающаго папы и сицилійскихъ норманновъ. Переговоры объ этомъ союзѣ, начатыя еще Лотаремъ Саксонскимъ и отцомъ Мануила царемъ Кало-Іоанномъ (1118—1143) и окончившіеся брачнымъ союзомъ Мануила и Берты Зульцбахъ, составляютъ предметъ изслѣдованія Васильевскаго, въ которомъ онъ вноситъ чрезвычайно интересныя пополненія и поправки въ исторію того времени, написавшую *Bernardi* и помѣщенную въ *Jahrbücher der Deutschen Geschichte*. Надгробное слово архіепископа Солунскаго служить для автора канвой, которая впрочемъ не стѣсняетъ его въ томъ, чтобы дѣлать иногда и весьма пространныя экскурсы въ область исторіи и современной литературы. Такъ

у Ѳ. Продрома онъ находитъ стихотвореніе по случаю вступленія германской княжны въ Константинополь; такъ, давая прекрасный экскурсъ по политической исторіи Византіи въ 1141—1143 г., онъ сообщаетъ весьма интересныя данныя о положеніи иностранной принцессы, предназначенной быть супругой императора. Когда въ 1147 г. крестоносцы 2-го крестоваго похода приближались къ Константинополю, свояченица Конрада III была уже царицей, и, безъ сомнѣнія, многое въ личныя отношенія между Конрадомъ и Мануиломъ должно быть приписано влиянію ея. Нужно признать, что комментарий къ надгробному слову Ирины цѣликомъ входитъ въ исторію византійско-германскихъ отношеній и сообщаетъ ей большую живость. Не остался безъ исчерпывающаго объясненія и вопросъ о Василии, митрополитѣ Солунскомъ, при чемъ попутно затронута литература полемики между восточной и западной церковью и сдѣланы интересныя замѣчанія къ соборнымъ константинопольскимъ актамъ 1155—1156 годовъ.

II.

Русскія темы въ связи съ изученіемъ Византіи.

Выше мы сказали, что наиболѣе привлекательными для Васильевского темами были тѣ, которыя обнаруживаютъ прямую или косвенную связь между византійской и русской исторіей. Большинство относящихся сюда работъ самимъ авторомъ опубликовано подъ общимъ заглавіемъ: „Русско-Византійскіе отрывки“. Небольшая часть изслѣдованій этого рода была вновь обработана и издана въ отдѣльной книжкѣ: „Русско-Византійскія изслѣдованія. Житія Георгія Амастридскаго и Стефана Суроожскаго“ (С.-Пб. 1893). Такъ какъ эта книжка имѣетъ помѣту: выпускъ II, то можно догадываться, что предполагался и выпускъ I, въ который должны были войти другія изслѣдованія изъ этой же области. Для будущаго біографа Васильевского дата появленія выпуска II „Русско-Византійскихъ изслѣдованій“ должна имѣть важное значеніе. Уже къ этому времени нашъ ученый сталъ серьезно думать о подведеніи итоговъ своей дѣятельности, иначе говоря, къ этому времени пытливый и критическій умъ его пересталъ находить новыя и живыя темы въ излюбленной имъ области.

Русско-Византійскіе отрывки или изслѣдованія — блестящая попытка оживить посредствомъ новыхъ, всестороннихъ и исчерпываю-

щихъ предметъ разысканій вѣчно свѣжую и привлекательную для русскаго ученаго тему о первыхъ столѣтіяхъ русской исторіи. Сколько бы эта тема ни получала себѣ вспомогательныхъ матеріаловъ отъ археологіи, эта послѣдняя все же будетъ зависѣть въ своихъ окончательныхъ выводахъ отъ изученія письменныхъ памятниковъ и отъ рѣшенія спорныхъ филологическихъ и географическихъ вопросовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что большинство византійскихъ историковъ прямо или косвенно участвуетъ въ поступательномъ движеніи русской науки къ освѣщенію первыхъ страницъ русской лѣтописи. Васильевскій, можно сказать, взялъ въ свои руки подразумеваемые вопросы и сдѣлалъ ихъ предметомъ преимущественнаго вниманія. Высокій авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ теченіе цѣлой четверти столѣтія, а равно глубокая и широкая эрудиція и тонкая наблюдательность по изученію древнихъ текстовъ доставили ему въ области изученія русско-византійскихъ отношеній такое почетное мѣсто, какого никто до него не занималъ. Въ виду сказаннаго мы не можемъ не удѣлять значительнаго мѣста тому отдѣлу его произведеній, который составляетъ его неувядающую академическую славу. Мы думаемъ, что лучше достигнемъ своей цѣли—подчеркнуть заслуги Васильевского въ этой области, если предложимъ анализъ его произведеній по связи съ основными вопросами древне-русской исторіи, въ разрѣшеніи которыхъ онъ принималъ участіе. Выѣсто того, чтобы слѣдить за его статьями по мѣрѣ появленія ихъ на страницахъ разныхъ изданій, мы предлагаемъ рядъ темъ изъ древняго періода русской исторіи въ связи съ изученіемъ Византіи, которыя занимали вниманіе Васильевского. Можно сказать, нѣтъ такого спеціальнаго вопроса по отношенію къ первымъ страницамъ русской исторіи, котораго бы Васильевскій или не дѣлалъ предметомъ спеціальнаго изученія, или по которому бы не имѣлъ случая высказать свое мнѣніе. Что въ этихъ вопросахъ онъ считалъ себя хозяиномъ и не любилъ чужаго виѣшательства, свидѣтельствуется тѣмъ, что, не будучи вообще сторонникомъ литературной полемики, онъ съ большимъ пыломъ выступалъ противъ несогласныхъ съ нимъ по русско-историческимъ вопросамъ. Вспомнимъ статьи противъ Д. И. Иловайскаго и противъ автора настоящаго очерка.

Въ русской исторіи есть много весьма деликатныхъ вопросовъ, къ которымъ нельзя подходить безъ опасенія оскорбить чье-нибудь національное, релігіозное или личное чувство. Эти вопросы и до сихъ

поръ могутъ возбуждать горячіе споры и быть предметомъ страстной полемики, хотя не стало болѣе Погодина, Куника, Васильевского.

1. Таковъ прежде всего вопросъ о началѣ *русскаго государства* и о толкованіи извѣстія Несторовой лѣтописи подь 862 годомъ. Есть ли это извѣстіе легенда или историческій фактъ? Было бы излишне здѣсь говорить о господствующихъ двухъ школахъ и характеризовать ихъ взгляды и основныя положенія. Мы можемъ войти прямо въ сущность дѣла и обрисовать принятое Васильевскимъ положеніе въ нескончаемомъ спорѣ норманистовъ или несторовцевъ и ихъ противниковъ (антинорманисты разныхъ красокъ). Въ самый разгаръ борьбы школъ въ семидесятыхъ годахъ Васильевскій выступилъ (въ 1875 г.) съ замѣчательной статьей „Варяго-русская дружина въ Константинополѣ“; за этой статьей послѣдовалъ рядъ другихъ разысканій въ той же области, которыми Васильевскій пытался локализовать вопросъ о началѣ русскаго государства и свести его къ историческимъ и хронологическимъ даннымъ и географическимъ терминамъ. Ни норманисты, ни ихъ противники до сихъ поръ не могли указать ни въ Скандинавіи, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ этнографическій или географическій терминъ, соответствующій возрѣніямъ русскаго лѣтописца, то-есть, нигдѣ не могли указать народа, называвшаго себя въ IX вѣкѣ Русью; поиски за свидѣльствами о до-юриковской Руси выводятъ изслѣдователей далеко изъ Скандинавіи и Россіи, и находки сосредоточиваются главнымъ образомъ въ греко-византійскихъ памятникахъ. Хотя до сихъ поръ, однако, упоминанія о до-юриковой Руси въ Византіи могутъ имѣть значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что даютъ право отодвинуть на нѣсколько лѣтъ назадъ противъ Нестора извѣстность имени Русь, а не рѣшать вопросъ о происхожденіи русскаго государства, тѣмъ не менѣе поиски въ византійскихъ памятникахъ дали нѣсколько новыхъ оснований къ рѣшенію и этого вопроса по связи съ двойникомъ Руси—варягами. Именно въ этомъ смыслѣ получаетъ значеніе изслѣдованіе Васильевского „Варяго-русская дружина въ Константинополѣ“ (рядъ статей въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1874—1875), относящееся къ числу лучшихъ его произведеній и могущее быть поставлено рядомъ съ статью „Византія и печенѣги“. Исходною точкой изслѣдованія служить извѣстіе византійскихъ и арабскихъ источниковъ, что въ 988 году Владиміръ Святой отправилъ въ Византію вспомогательный военный корпусъ въ 6.000 человекъ. Этотъ корпусъ остается въ Византіи и участвуетъ въ войнахъ имперіи преимущественно на азіатской границѣ и въ

Южной Италиі. Гдѣ упоминается русскій корпусъ, тамъ же исторія и сага локализуеът варяговъ, изъ чего необходимо заключать о какой-либо связи между тѣми и другими. Совершенно новымъ и оригинальнымъ приемомъ было привлеченіе къ рѣшенію вопроса новаго матеріала, почерпаемаго изъ норвежскихъ сагъ. Находя, что сага есть довольно поздній и окрашенный посторонними элементами источникъ, авторъ обращается къ пѣснямъ скальдовъ и по нимъ восстанавливаетъ реальный мотивъ саги. На исторіи Гаральда ему удается съ значительной степенью достовѣрности провѣрить свою теорію саги и доказать, что роль норманновъ въ Византіи значительно преувеличена и даже извращена въ сагѣ. У византійцевъ въ первый разъ варяги упоминаются подъ 1034 годомъ, и хотя это совпадаетъ съ пребываніемъ въ Константинополѣ Гаральда, но не можетъ быть толкуемо въ смыслѣ тождества термина варяги и скандинавская дружина Гаральда. Разборъ скандинавской саги, показывая оживленныя сношенія скандинавскаго сѣвера съ Гардарики, какъ называлась Россія, въ то же время свидѣтельствуетъ о большомъ движеніи норманновъ въ Византію. Эти послѣдніе факты, почерпаемые также изъ саги, руническихъ надписей и новѣйшихъ раскопокъ, выдвинуты особенно сильно *Томсеномъ* въ сочиненіи, появившемся сначала на англійскомъ языкѣ (1876), потомъ на нѣмецкомъ языкѣ: *Der Ursprung des Russischen Staates*. Gotta 1879, а въ 1891 году на русскомъ языкѣ (*Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.*). Всецѣло Васильевскому принадлежитъ та заслуга, что онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ прослѣдилъ исторію употребленія имени варяги по византійскимъ источникамъ. Изъ сопоставленныхъ имъ и въ первый разъ выдвинутыхъ текстовъ получаютъ слѣдующіе результаты: 1) тамъ, гдѣ у византійскихъ писателей упоминаются варяги, тамъ разумѣются русскіе изъ вспомогательнаго корпуса; 2) нигдѣ у византійскихъ писателей не встрѣчаются рядомъ варяги и русскіе, а либо то, либо другое, отсюда Склица, пользовавшійся Аталіотой, имѣлъ полное основаніе замѣнить слово „русскіе“ своего источника словомъ „варяги“; 3) наконецъ, въ хрисовулахъ варяги и Русь выражаютъ одно имя и стоятъ рядомъ безъ соединительнаго союза—*Ῥως Βάραγγοι*, то-есть, византійскій офиціальныи языкъ знаетъ выраженія варяго-русь, русь-варяги. Заключая отсюда, что варягами въ Византіи назывались тѣ русскіе, которые состояли во вспомогательномъ корпусѣ, отправленномъ Владиміромъ, постепенно пополнявшемся въ XI вѣкѣ новыми пришельцами изъ Кіева, Васильевскій уклонился, однако, отъ прямого

вывода: варяги=Русь кievская, а даетъ нѣсколько осторожное заключеніе. Но такъ какъ имя варяги пришло въ Византію изъ Кіева вмѣстѣ съ военнымъ корпусомъ, то оно, не заключа въ себѣ этнографическаго или географическаго признака, обозначало лишь союзниковъ, прибывшихъ изъ Россіи, которые удержали имя варяговъ потому, что такъ назывались въ Кіевѣ наемники. Такъ по крайней мѣрѣ можно объяснить нѣсколько темныхъ выраженій автора: „самое имя варяговъ по своему происхожденію принадлежитъ скандинавскому сѣверу, но пришло въ Византію изъ Кіева. Въ Кіевѣ наемниками были скандинавы, и они называли себя вэрингами; имя сдѣлалось обычнымъ и для русскихъ, такъ какъ и русскіе союзники и наемники стали называть себя варягами, а погречески варангами“. Не становясь прямо въ ряды норманистовъ, Васильевскій въ указанномъ изслѣдованіи несомнѣнно подтвердилъ положенія означенной школы, и въ заключеніи высказалъ, что скандинавская теорія происхожденія русскаго государства покоится на двухъ столпахъ: на именахъ русскихъ князей и названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ, которыя все-таки остаются неславянскими, несмотря на разныя попытки ненаучной филологіи объяснить ихъ послavianски.

Если бы автору суждено было при жизни вновь пересмотрѣть и обработать это сочиненіе, то онъ могъ бы присоединить къ нему прекрасное мѣсто, извлеченное имъ изъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки и безповоротно закрѣпляющее за терминомъ варяги географическій и этнографическій смыслъ. Это знаменитое мѣсто о Гаральдѣ: Ἀράλτης βασιλεὺς μὲν Βαράγγιας ἤν υἱός (Совѣты и разказы византійскаго боярина, въ переработкѣ издано въ Запискахъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, часть XXXVIII, р. 97, 2).

Тѣсную связь съ рассмотрѣннымъ сочиненіемъ представляютъ изслѣдованія надъ житіями Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго, появившіяся сначала на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, затѣмъ въ обработанномъ видѣ изданныя отдѣльной книжкой въ 1893 г. (Русско-византійскія изслѣдованія). Занимаясь этими житіями, Васильевскій имѣлъ въ виду не только интересы русской исторіи, но и специально византійскіе. Сдѣланные имъ выводы въ приложеніи къ византійской агиографической литературѣ мы укажемъ ниже, когда перейдемъ къ работамъ его по византійской исторіи, теперь же будемъ оставаться на почвѣ русской исторіи. По отношенію къ имени „Русь“ установленъ также роковой пробѣлъ въ